

На правах рукописи

Сундукова Евгения Александровна

ОЙКОНИМИЯ СЕВЕРА УДМУРТИИ

Специальность 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские языки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ижевск – 2011

Работа выполнена на кафедре общего и финно-угорского языкознания
ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор
Кельмаков Валей Кельмакович

Официальные оппоненты: доктор филологический наук,
профессор
Куклин Анатолий Николаевич

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Кириллова Людмила Евгеньевна

Ведущее учреждение: Марийский научно-исследовательский
институт истории, языка и литературы
им. В. М. Васильева при Правительстве
Республики Марий Эл

Защита состоится «29» июня 2011 года в 13.00 часов на заседании
диссертационного совета ДМ 212.275.06 при ГОУ ВПО «Удмуртский
государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Универ-
ситетская, 1, корп. 1.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО
«Удмуртский государственный университет», с авторефератом – на
официальном сайте ГОУ ВПО «УдГУ» <http://v4.udsu.ru/science/abstract>.

Автореферат разослан «__» мая 2011 года

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Н. В. Кондратьева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Необходимость специального изучения ойконимии севера Удмуртии обусловлена тем, что совокупность названий населенных пунктов до настоящего времени остается пока малоизученным разделом удмуртской топонимики.

История изучения удмуртских названий населенных пунктов напрямую связана с историей изучения топонимии в целом. Первый период (XVI–XVIII вв. – 90-х гг. XIX в.) характеризуется фиксацией топонимов (в т. ч. ойконимов) в исторических, переписных документах, дневниках путешественников-естествоиспытателей. Второй период (кон. XIX в. – нач. 60-х гг. XX в.) является началом системного подхода к изучению топонимов (Б. Мункачи, Н. Г. Первухин, И. Н. Смирнов, А. О. Трефилов и др.). Третий период (II пол. XX в. до наших дней) – период разработок теоретических вопросов топонимики как науки. Большой вклад в развитие современной удмуртской топонимики внесли работы Г. А. Архипова, М. Г. Атаманова, С. К. Бушмакина, Л. В. Вахрушевой, Л. Е. Зверевой-Кирилловой, М. А. Самаровой, Т. И. Тепляшиной.

Фронтальное изучение микротопонимии Удмуртии было начато монографическими исследованиями Л. Е. Кирилловой «Микротопонимия бассейна Валы» (Ижевск, 1992), «Микротопонимия бассейна Кильмези» (Ижевск, 2002) и М. А. Самаровой «Наименование топообъектов Верхней Чепцы» (Ижевск, 2010). Но, к сожалению, среди опубликованных работ по удмуртской топонимике до сегодняшнего дня нет исследований, которые комплексно и всесторонне рассматривали бы ойконимию Удмуртии.

Необходимость исследования названий населенных пунктов обусловлена, во-первых, тем, что ойконимический материал наиболее полно засвидетельствован в исторических документах, данные которых позволяют проследить эволюцию названий. Во-вторых, ойконимы – наиболее социально обусловленный класс географических названий, поэтому немаловажна и большая по сравнению с другими топонимическими разрядами экстралингвистическая информативность названий населенных пунктов, что делает из ойконимии ценный исторический источник.

Особенностью ойконимии является ее две формы функционирования: 1) официальная, закрепившаяся в справочниках, списках населенных мест, на картах и в прочих письменных источниках, и 2) народная, бытующая на неофициальном уровне в речи населения. К сожалению, уходит поколение, хорошо знавшее удмуртские названия деревень, поэтому зафиксировать их необходимо сейчас. Своевременное системное исследование названий поможет глубже заглянуть в историческое прошлое удмуртского народа.

В настоящее время в результате интенсивного русско-удмуртского взаимодействия происходит смешение русских и удмуртских названий, что ведет к проникновению в удмуртскую неофициальную ойконимию русских наименований, которые адаптируются местным населением под нормы удмуртского языка с характерными для определенной территории диалектными особенностями, и воспринимаются населением в контексте единой системы названий населенных пунктов. Именно поэтому комплексное исследование как собственно удмуртских наименований, так и адаптированных русских названий поселений позволит всесторонне описать ойконимию севера Удмуртии.

В декабре 2001 г. был принят Закон УР № 60-РЗ «О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках народов Удмуртской Республики», где удмуртскому языку был придан статус государственного. В настоящее время удмуртские названия населенных пунктов республики восстанавливаются специальной комиссией. В 2010 г. была издана карта республики с удмуртскими наименованиями поселений. Таким образом, народные ойконимы получают в республике официальный статус, постепенно приобретают более широкую сферу употребления и становятся более известными.

Актуальность исследования в настоящее время еще усиливается и тем, что с изменением социально-экономических условий происходят существенные сдвиги в топонимической системе. Интенсивное промышленное развитие, демографические изменения, массовое исчезновение малых деревень – все эти процессы приводят к деградации и даже полному исчезновению топонимической системы. Одним из средств сохранения информации для будущих поколений становится скорейший сбор материала на местах, его изучение и последующее составление региональных словарей и монографических описаний местных географических названий как части культурного наследия удмуртского народа.

Объектом исследования выступает ойконимия севера Удмуртии, куда входят Балезинский, Глазовский, Дебесский, Игринский, Кезский, Ярский районы республики.

Предметом исследования являются лексико-семантические и структурные особенности ойконимии севера Удмуртии.

Целью диссертационного исследования является комплексное описание ойконимии севера Удмуртии.

В соответствии с поставленной целью в диссертации решаются следующие **задачи**:

- составление списка официальных и народных названий населенных пунктов севера Удмуртии по состоянию на 2011 г. с учетом снятых с административно-территориального учета деревень;

- характеристика географических и историко-этнических условий, на фоне которых складывалась ойконимическая система исследуемого региона;
- определение роли и места апеллятивов в названиях населенных пунктов;
- описание лексико-семантических групп ойконимов с учетом мотивации названий топообъектов;
- выявление географической и культурно-исторической информации, содержащейся в названиях населенных пунктов;
- описание основных структурных типов и моделей, встречающихся в ойконимической системе севера Удмуртии;
- сопоставление полученных данных исследования с топонимическими материалами других регионов.

В соответствии с поставленной целью и задачами работы в диссертации использован комплекс **методов и приемов** синхронного и диахронического анализа ойконимического материала: описательный, сравнительно-исторический, сравнительно-типологический, этимологический, формантный и структурно-словообразовательный анализы, инвентаризация, картографический метод, метод количественного анализа.

Источниками исследования являются:

- полевые материалы, собранные автором в 2003–2008 гг. в Глазовском, Кезском, Дебесском, Балезинском, Игринском, Ярском районах Удмуртской Республики. Были применены также материалы фольклорных и диалектологических экспедиций студентов факультета удмуртской филологии Удмуртского государственного университета. Топонимическому исследованию подверглось 634 ныне существующих и 650 снятых с административно-территориального учета населенных пунктов. Картотека, созданная в ходе сбора полевого материала, насчитывает 1448 названий населенных пунктов севера Удмуртии. Сбор материала производился по специальной программе-вопроснику, содержащей 78 вопросов, которая составлена Л. Е. Кирилловой;

- статистические сборники: П. Н. Луппов «Документы по истории Удмуртии XV–XVIII вв.» (Ижевск, 1958); Списокъ населенныхъ мѣсть по свѣдѣніямъ 1839–1873 годовъ (СПб., 1876); Матеріалы по статистикѣ Вятской губерніи. Томъ VII (Вятка, 1892), Томъ VIII (Вятка, 1893); Список населенных пунктов Вотской Автономной Области (Ижевск, 1924); Справочник по административно-территориальному делению Удмуртии. 1917–1991 гг. (Ижевск, 1995);

- словари, памятники письменности удмуртского языка: V. Munkácsi Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Herausgegeben von D. R. Fuchs (Helsinki, 1952); Н. Г. Первухинъ «Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда». Эскизь I, II, IV (Вятка, 1888); С. К. Бушмакин «Словарь географических названий Удмуртской АССР» (Ижевск, 1980);

Т. К. Борисов «Удмурт кыллюкам = Толковый удмуртско-русский словарь» (Ижевск, 1991); Удмуртско-русский словарь (Ижевск, 1983; 2008) и др.

В качестве дополнительных источников послужили работы М. Г. Атаманова «Удмуртская ономастика» (Ижевск, 1988); «История Удмуртии в географических названиях» (Ижевск, 1997); В. К. Кельмакова «Образцы удмуртской речи» (Ижевск, 1981); Л. Л. Карповой «Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи» (Ижевск, 2005). Для подтверждения отдельных положений исследования привлекаются археологические, этнографические, исторические данные.

Теоретической и методологической основой послужили работы отечественных и зарубежных авторов по топонимике: О. П. Аксеновой, И. С. Галкина, В. А. Жучкевича, Н. В. Казаевой, Г. М. Керта, Е. Кивиниеми, А. С. Кривошековой-Гантман, В. В. Кузнецова, А. Н. Куклина, Н. Н. Мамонтовой, А. К. Матвеева, И. И. Муллонен, Э. М. Мурзаева, А. Г. Мусанова, В. А. Никонова, В. Ниссиля, Н. В. Подольской, Б. А. Серебренникова, А. В. Суперанской, А. И. Туркина и др., а также труды удмуртских исследователей: Г. А. Архипова, М. Г. Атаманова, С. К. Бушмакина, Л. В. Вахрушевой, Л. Е. Зверевой-Кирилловой, М. А. Самаровой, Т. И. Тепляшиной и др.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Работа является первым монографическим исследованием, которое посвящено комплексному изучению ойконимии севера Удмуртии, и основано на теоретических исследованиях, собранном автором в полевых условиях материале и данных из письменных источников.

2. Впервые апеллятивная лексика рассмотрена с точки зрения ее участия в образовании названий населенных пунктов: соответствие и несоответствие апеллятивов-детерминантов описываемой реалии. Выявлены семантические группы и этимология апеллятивов, сделана попытка проследить относительную хронологию их возникновения.

3. Ойконимы севера Удмуртии подвергнуты подробному системному описанию в лексико-семантическом и структурном отношении, определены их типы в сопоставлении с названиями населенных пунктов других регионов Удмуртии и России, что позволяет выявить своеобразие ойконимии исследуемой территории на фоне наименований, относящихся к различным языкам и регионам, а также определить универсалии, характерные для многих ойконимических систем.

4. В работе детально рассматривается вопрос о вторичных ойконимах, возникших в результате переноса названия другого географического объекта на наименование населенных пунктов, определяются его причины, основные способы образования секундарных ойконимов.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Анализ апеллятивной лексики позволил выявить собственно ойконимические апеллятивы, указывающие на тип поселения. Основную массу составляют апеллятивы-детерминанты, значение которых не соответствует денотату. Они характеризуют природные, географические реалии и культурные объекты региона, что связано с особенностью возникновения населенных пунктов и процессом номинации как близлежащих географических объектов, так и поселений.

2. В образовании названий населенных пунктов севера Удмуртии участвуют: а) имена нарицательные (отапеллятивные наименования), анализ которых способствовал выявлению географической и этнокультурной информации, содержащейся в названиях, и б) имена собственные, среди которых большую группу составляют ойконимы, образованные от антропонимов и названий географических объектов (т. н. вторичные ойконимы), что связано с особенностью освоения территории и возникновения населенных пунктов. Отдельную группу составляют локативные ойконимы, в которых элемент, указывающий на месторасположение поселения, может находиться как в пре-, так и постпозиции.

3. В структурном отношении ойконимы севера Удмуртии делятся на простые, сложные и эллиптированные. Доминирующее положение занимают простые ойконимы, доля которых увеличивается за счет вторичных наименований. Двухкомпонентные ойконимы образуются по традиционной для финно-угорских языков модели «определяющее + определяемое». В роли детерминанта в большинстве случаев выступают отойконимические апеллятивы, атрибут преимущественно выражен именем существительным или именем прилагательным.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что избранные методы исследования материала позволяют сделать обоснованные выводы о своеобразии ойконимической системы севера Удмуртии. В диссертации предпринята попытка системного анализа ойконимического материала, решены проблемные вопросы классификации. Результаты исследования могут быть использованы при разработке теоретических проблем как в удмуртской, так и финно-угорской топонимике в целом.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее материалы могут быть использованы для составления «Словаря названий населенных пунктов Удмуртской Республики» и при создании топонимической картотеки Удмуртии. Работа является продолжением разработки более крупной темы «Топонимия Удмуртии». Материалы диссертации могут быть использованы для разработки лекционных курсов по удмуртской ономастике, в качестве краеведческого материала – при составлении

школьных учебников, в качестве познавательного – при подготовке научно-популярных изданий.

Апробация исследования. Основное содержание работы получило освещение в 7 статьях. Положения и результаты диссертации в виде докладов обсуждались на научно-практических конференциях различного уровня, в том числе и международных: IFUSCO International Finno-Ugric Students Conferens = Международной Финно-угорской студенческой конференции (Ижевск, 2005); Международной научно-практической конференции «Национальные языки России: региональный аспект» (Пермь, 2005); XI Международном симпозиуме «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (Пермь, 2006); Международной научной конференции «75 лет высшему образованию в Удмуртии» (Ижевск, 2006); межрегиональных: Межрегиональной научно-практической конференции «Коми-пермяки и финно-угорский мир» (Кудымкар, 2005); региональных: VII Научно-практической конференции преподавателей и сотрудников УдГУ (Ижевск, 2005).

Структура работы определяются общей концепцией, целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка, списка словарей и источников исследования, списка условных сокращений и приложения. Общий объем диссертации составляет 445 с., из них 336 с. составляет основной текст.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первом разделе Введения обосновывается актуальность исследования, формулируются его цели и задачи, определяются основные положения, выносимые на защиту, раскрывается научная новизна, теоретическое и практическое значение выполненной работы.

Во втором разделе Введения рассматривается ряд необходимых вводных вопросов, предваряющих непосредственный анализ ойконимического материала: 1. Физико-географическая характеристика севера Удмуртии; 2. Историко-этническая характеристика севера Удмуртии; 3. Административно-территориальное деление региона; 4. История изучения ойконимии севера Удмуртии.

В главе I «Апеллятивная лексика в ойконимии севера Удмуртии» анализируется нарицательная лексика, которая входит в состав ойконимов и именуется географический объект.

В работе представлены различные классификации апеллятивов, существующие в удмуртской топонимике: а) с точки зрения их происхождения (М. Г. Атаманов), б) по степени употребительности и распространенности

(Р. П. Лесникова, З. М. Меркулова, М. Г. Атаманов, М. А. Самарова); в) в зависимости от характера географических реалий (С. К. Бушмакин, М. Г. Атаманов, Л. Е. Кириллова, М. А. Самарова). В отмеченных классификационных схемах систематизация материала происходит в зависимости от цели исследования.

В данной работе апеллятивы, входящие в состав ойконимов севера Удмуртии, подвергнуты этимологическому анализу и по характеру описываемого топообъекта подразделяются на семантические группы. Анализ апеллятивной лексики севера Удмуртии позволил нам выявить 86 апеллятивов, выступающих в роли детерминанта, основная масса которых – это лексика, обозначающая географические объекты. Учитывая особенности ойконимической системы, главным критерием нашей классификации является соответствие или несоответствие апеллятива описываемой реалии (т. е. населенному пункту).

В разделе «Апеллятивы, имеющие непосредственное отношение к поселениям» анализируется семантика и происхождение собственно ойконимических апеллятивов (8 единиц) с привлечением топонимических данных других родственных языков. Делается попытка проследить относительную хронологию возникновения апеллятивов.

Во многих финно-угорских ойконимических системах выбор апеллятива, указывающего на тип поселения, детерминирован количеством дворов и численностью населения. Особенностью ойконимии севера Удмуртии является отсутствие апеллятивов, дифференцирующих населенные пункты по принципу «однодворность / малодворность – многодворность поселений». Для обозначения любой деревни в ойконимии исследуемого ареала употребляется апеллятив *гурт* 'деревня'. Несмотря на его продуктивность, наиболее древние поселения исследуемой территории не содержат в своих названиях апеллятива *гурт*, не зафиксирован он и в переписных материалах XVII в.

К группе ойконимических апеллятивов относятся также *гучин* 'селище (место, где раньше было селение)', *вужгурт* 'место старого (древнего заброшенного) селения, селище'; 'родовая деревня; центр родового гнезда', *вил'гурт* ~ *выл'гурт* ~ *въл'гурт* 'новая деревня', который был вытеснен заимствованной из русского языка лексемой *починка* ~ *пöчинка* ~ *пос'ин'ка* 'починок'. В современных официальных названиях последний не получил распространения, став достоянием лишь народной ойконимии: *дэбэс/починка* – офиц. д. *Верхний Кабак* (Деб.).

В ойконимии севера Удмуртии встречается апеллятив *кар* 'городище, укрепленная крепость', 'город, центр (уезда, губернии)', который широко распространен на территории проживания пермских народов. На иссле-

дуемой территории концентрация ойконимов на *кар* в значении 'городище, укрепленная крепость' наблюдается в районе среднего течения р. Чепцы (ареал складывания чепецкой археологической культуры). С XVIII в. *кар* начинает употребляться в значении 'город'. В современной официальной удмуртской ойконимии лексема *кар* используется для номинации городов.

К непродуктивным апеллятивам относятся заимствованные из русского языка, но не сохранившие первоначального значения лексемы *кутор* и *погоста* ~ *повоста*. В ойконимии севера Удмуртии они употребляются в значении 'починок'.

В разделе «Апеллятивы, имеющие опосредованное отношение к поселениям» рассматриваются апеллятивы, выступающие в составе названий населенных пунктов в роли детерминанта, не соответствующего денотату (т. е. описываемой реалии) (78 единиц). Такие наименования возникли путем трансонимизации (отойконимические, оттопонимические названия). Ойконимия, находясь в иерархическом отношении на уровень выше, черпает ресурсы в основном свои из микротопонимии. Именно эта группа апеллятивов отражает территориальную топонимическую систему севера Удмуртии, а выбор исходного апеллятива связан с особенностями возникновения населенных пунктов. С точки зрения обозначения ими географических объектов апеллятивы подразделяются на следующие семантические группы.

1. Гидрографические апеллятивы: *шур* 'река', *вай* 'исток, рассоха; ветвь', *л'ук* 'река', *йар* ~ *д'ар* 'крутой берег, яр', *шурйыл* 'верховье, исток реки', *вож* 'устье реки', 'ответвление', 'ветка', *клучи* 'ключ', *ошмэс* 'родник', *зариз'* 'море', *слутка* 'обрывистый, каменистый, песчаный или глинистый высокий берег', *ты* 'озеро', *кож* 'омут, заводь', *н'ур* 'болото', 'сырое, влажное место', *шурвож* 'устье реки', *шурвай* 'ответвление реки', *качка* 'топкое место, трясина, зыбкое болото', *оз'орки* ~ *оз'орка* 'озеро', *пл'оса* 'участок реки со спокойным течением', *лучык* 'излучина реки'. Гидрографические апеллятивы свидетельствуют о приречном / прибрежном расселении и образовании поселений. Наиболее продуктивным является апеллятив *шур*, который первоначально употреблялся для обозначения небольших рек края. Стремительное заселение водоразделов крупных рек и образование огромного количества новых починок у более мелких водоемов способствовало вытеснению древних гидролексем (*л'ук* 'река', *ва* 'река') и широкому распространению апеллятива *шур*, который в современном удмуртском языке и в ойконимии севера Удмуртии (за исключением бесермянского наречия) употребляется в значении 'река'.

2. Орографические апеллятивы: а) обозначающие возвышенный рельеф: *мувыр* ~ *мовыр* 'возвышенное место', *выр* 'холм, возвышенность', *извыл* 'каменистая поверхность на возвышенности', *гурэз'* 'гора', *гурэньыл* 'вер-

шина горы', *чэткар* ?'гора, возвышенное место', *муш* ~ *муц* 'кочка'; б) обозначающие низинный рельеф: *н'ук* 'лог, овраг', *гон* 'лог, ложбина, лощина', *шур* 'лог', *лог* 'лог'. Использование в составе ойконимов апеллятивов, обозначающих возвышенный рельеф, свидетельствует об образовании поселений на (у) возвышенностях(ей). Низинный рельеф играл менее существенную роль в практической деятельности и в ориентации на местности.

3. Апеллятивы, обозначающие участки, занятые лесом: *йаг* 'сосновый бор', *тыло* 'подлесок, роща', 'лес, растущий на суглинистой почве', *варсэм* ~ *йарсэм* 'лесная чаща; чащоба; урема', *волок* 'лес между населенными пунктами', *суруд* ~ *сурд* 'березовый лес, березняк', *п'ышкыз* ~ *пышкыз* 'мелколесье', *с'ик* 'лес'.

4. Апеллятивы, связанные с землепользованием и обработкой земли: а) отражающие общие наименования пахотных и сенокосных угодий: *луд* 'поле', *воз* 'луг, покос', *бусы* 'поле, земельное угодье', *мувыл* 'поле', *пол'а* 'поле'; б) обозначающие земельные и сенокосные участки, расчищенные из-под леса: *в'ол* 'вырубка, делянка', *кыр* 'поляна', 'безлесное пространство с травянистой растительностью', *гар'* ~ *га'ри* 'гарь', 'выгоревший участок леса', *кул'ига* 'кулига', 'лесная поляна, расчищенная под земледелие', *куш* 'лесная поляна', *пол'а на* 'поляна'; в) обозначающие границы земельных угодий: *бис'мэн* 'граница, межа, отделяющая земельные угодья двух населенных пунктов', *кэсэг* 'отрезок, кусок', 'полоса, участок, клин', *сэн* 'клин (участок земли)'; г) обозначающие меру площади: *вис'* 'четверть, пядь (мера длины, равная четырем вершкам)'. Данная группа апеллятивов свидетельствует о том, что возникновение новых починков было также связано с сокращением обрабатываемой земли, ее малоплодородием. Самым распространенным является *луд* 'поле', т. к. из-за удаленности возделываемого участка от деревни, община часто разрешала семье основываться «на своем поле».

5. Апеллятивы, обозначающие различные объекты хозяйственного назначения: а) отражающие различные постройки, сооружения: *чум* ~ *чумо* 'шалаш для временного укрытия', *тол'л'он* ~ *тол'йон* 'зимняя охотничья избушка', *вуко* 'мельница (водяная)', *завот* 'завод', *санаторий* 'санаторий', *бол'н'ица* 'больница', *барак* 'барак', *шалаш* 'шалаш', *манастър* 'монастырь'; б) обозначающие средства передвижения: *озон* ?'перевоз; паром; пристань, стоянка для лодок, гавань', *выж* 'мост', *мост* 'мост'.

6. Апеллятивы, указывающие на расположение объектов на местности: а) относительно реки: *дур* 'край, берег', *йыл* ~ *йъл* 'исток, верховье', *тунал* 'заречье, заречная сторона', *въл* 'верховье', *улан'* 'вниз, книзу'; б) относительно других географических объектов: *запол'л'а* 'место за по-

лем', ул 'нижняя часть', йыл 'вершина возвышенности', с'эр 'место за чем-либо', бэр 'место за чем-либо'.

7. Метафорические апеллятивы. Источниками метафор служит анатомическая лексика: бам 'щека', 'склон горы, холма', йыр 'голова', 'верховье, исток', быж ~ бьж 'хвост', 'починок', ныр 'нос; клюв; рыло', 'мыс, полуостров'.

Глава II «Лексико-семантическая классификация ойконимов севера Удмуртии» начинается с краткой истории разработки топонимических классификаций.

Классификация лексики, участвующей в топонимообразовании, по семантике является необходимым условием адекватного описания топонимической системы любого языка и дает возможность выявления наиболее характерных и употребительных топонимических элементов.

В работе выявляются семантические типы удмуртской ойконимии указанного ареала в сопоставлении с названиями поселений других регионов Удмуртии и России. Это позволяет выявить своеобразие ойконимии севера Удмуртии на фоне наименований, относящихся к различным языкам и регионам, а также определить универсалии, характерные для многих ойконимических систем.

В разделе I «Ойконимы, образованные от нарицательной лексики» анализируются отапеллятивные наименования поселений.

1. Названия, отражающие физико-географические особенности местности, флору и фауну (151 назв. – 10, 43 %), представляют наименования следующего характера.

1.1. Ойконимы, в которых отразился ландшафт края (39 назв. – 2, 7 %). Эта группа названий образована в результате онимизации апеллятива. Сложность представляют лексемы с географической семантикой, т. к. они не соотносятся с видом объекта (с населенным пунктом) и поэтому нельзя исключать возможность их вторичного образования. При отнесении таких ойконимов к данной группе мы придерживаемся принципа: наличие или отсутствие параллельного дублирующего наименования географического объекта.

В данную группу наименований входят: а) ойконимы, отражающие водные объекты: ошмэс (Замеры, д., Игр.) ('родник'); шур (Шур, д., Бал.) ('река'); шурйыл (Вожкыр, д., Бал.) ('исток реки'); б) ойконимы, отражающие возвышенный рельеф края: гурэньыл (Верхний Четкер, д., Деб.) ('вершина горы'), извыл (Каменцы, д., Игр.), ('каменистая поверхность на возвышенности'); мувыр (Мувыр, д., Игр.) ('возвышенное место'). Образование названий населенных пунктов в результате онимизации апеллятива с географической семантикой характерно и для финно-угорской ойконимии.

1.2. Ойконимы, содержащие характеристику объектов (65 назв. – 4,49 %):

а) относительная величина объекта выражается способом противопоставления квалитативных пар: *баъным* (зѳк, зѳк) 'большой, большая', *бол'шой* < рус. *большой, большая* – *пичи* (пѳчи, пѳс'и) 'малый, маленький', *ма'лайа* < рус. *малый, малая*: *баъным/малагни* (Большое Малагово, д., Яр.) – *пичи/малагни* (Малагово, д., Яр.) (< Малаг – антропоним, *пи* 'сын, дитя, потомок'); *зѳк/йундѳ* (Большая Юнда, д., Бал.) – *пѳс'и/йундѳ* (Малая Юнда, д., Бал.) (*йундѳ* – гидроним). В названиях населенных пунктов севера Удмуртии наличие маркированного члена оппозиции не всегда обязательно.

Антонимическая пара «*большой – малый*» указывает не столько на размер поселения, сколько на его возраст. Анализ письменных источников показывает, что в большинстве случаев населенные пункты с определением 'малый', являются молодыми, основанными позднее выходцами из одноименных деревень с атрибутом 'большой'. Образование бинарной оппозиции по признаку «*большой – малый*» характерно для многих ойконимических систем;

б) возраст населенного пункта выражается оппозицией определений *вуж* ~ *вуш* 'старый' – *выл'* 'новый': *вуш/пажман* (Старый Пажман, д., Кез.) – *выл'/пажман* (Новый Пажман, д., Кез.) (*пажман* – гидроним); *вуш/кѳп* (Старый Кѳп, д., Бал.) – *выл'/кѳп* (Новый Кѳп, д., Бал.) (*кѳп* – гидроним). Данные письменных источников позволяют сделать вывод о том, что первоначально название более старого населенного пункта существовало без дифференцирующего определения. На этот факт указывает и факультативное употребление дифференцирующего признака первого члена корреляции: *вуж/гѳйы* ~ *гѳйы* (Старая Гыя, д., Кез.) (*гѳйы* – гидроним). После образования нового поселения, ойконимы приобретают коррелятивные пары, где ядром оппозиции выступает название уже существующего населенного пункта.

Выполнение различительной функции возможно и вне антонимических пар. Для обозначения более молодого поселения употребляется также заимствованное из русского языка определение *новый* > *ново*: *ново/л'ук* (Новый Люк, д., Бал.) (*л'ук* – ойконим, с. Люк, Бал.).

Противопоставление названий населенных пунктов по принципу «*старый – новый*» встречается во многих ойконимических системах;

в) пейоративные ойконимы: *шунѳт/гурт* (Моино, д., Яр.) (*шунѳт* 'теплый', *гурт* 'деревня'); *пѳймѳт/гурт* (Верхняя Убыть, д., Глаз.) (*пѳймыт* 'темный');

г) степень влажности объекта: *кот/гурт* (Котнырево, д., Глаз.) (*кот* 'сырой, мокрый, влажный', *гурт* 'деревня').

1.3. Ойконимы, указывающие на флору и фауну региона (40 назв. – 2,76 %):

а) ойконимы, отражающие лесные массивы: *варсэм* (Варсем, д., Глаз.) ('лесная чаща; чащоба; урема'); *йаг* (Ягвуково, д., Деб.) ('сосновый бор'); *чачча/гурт* (Чатчагурт, д., Яр.) (*чачча* 'лес', *гурт* 'деревня');

б) ойконимы, отражающие названия отдельных деревьев и кустарников: *кыз'пу/гурт* (Березовка, д., Бал.) (*кыз'пу* 'береза', *гурт* 'деревня'); *р'ьбинофка* (Рябиновка, д., Яр.) (< рус. *рябина*); *с'ирпу* (Байвал, д., Игр.) ('вяз');

в) ойконимы, отражающие животный мир: *журавл'и* (Винокурово, д., Деб.); *л'э б'эд'* (Лебеди, д., Бал.).

1.4. Ойконимы, содержащие в своем составе числовые показатели (1 назв. – 0,07 %): *к'уат'/гурт* (Каршур, д., Бал.) (*к'уат'* 'шесть', *гурт* 'деревня').

1.5. Метафорические ойконимы (6 назв. – 0,41 %): *кийон/быж* ~ *к'ь-йон/б'ьж* (Васильево, д., Глаз.) (*кийон* ~ *к'ьйон* 'волк', *быж* ~ *б'ьж* 'хвост', 'починок'); *син/гурт* (Глазов, г.) (*син* 'глаз', *гурт* 'деревня'); *штан'у/гурт* (Штанигурт, д., Глаз.) (*штан'у* < рус. *штаны*). В данном случае апеллятив *штан'у* – географический термин, которым называют различные разделяющиеся объекты (поля, лога).

2. Ойконимы, отражающие хозяйственную деятельность человека, его быт, общественные отношения (77 назв. – 5,32 %), представляют наименования следующего характера.

2.1. Ойконимы, указывающие на типы и виды поселений (15 названий – 1,04 %). К данной группе относятся названия, образованные путем онимизации ойконимического апеллятива. Онимизации подвергаются: а) непродуктивные лексемы (чем меньше активность апеллятива, тем больше у него шансов закрепиться в самостоятельном употреблении): *гучин* (Удмурт Сада, д., Яр.), ('селище (место, где раньше было селение); *кутор* (Верхняя Юнда, д., Бал.) (< рус. *хутор*); *новоста* (Понино, д., Глаз.) (< рус. *погост*); б) апеллятивы со сложным строением (воспринимаются носителями топонимической системы в контексте сложной структурной модели): *вуж-гурт* (Нязь-Ворцы, д., Игр.) ('родовая деревня': *вуж* 'старый', *гурт* 'деревня'); *выл'гурт* (Вильгурт, д., Игр.) (*выл'гурт* 'новоселок': *выл'* 'новый', *гурт* 'деревня'); в) эллиптированные образования: *п'очинка* (Верхняя Богатырка, д., Глаз.) (< рус. *починок*); *кар* (Глазов, г.) ('город').

2.2. Ойконимы, в которых отразились занятия жителей и названия объектов хозяйственного, промышленного назначения (31 назв. – 2,14 %): *вуко/гурт* (Вукогурт, д., Игр.) (*вуко* 'мельница', *гурт* 'деревня'); *завот/п'очинка* (Казаково, д., Яр.) (< рус. *завод*, < рус. *починок*); *куро/гурт* (Малый Унтем, д., Бал.) (*куро* 'солома').

2.3. Ойконимы, отражающие национальные отношения (31 назв. – 2,14 %) возникают на стыке проживания разных этнографических групп:

удмуртов, русских и татар. Противопоставление осуществляется относительно удмуртского (коренного) населения, в большинстве случаев в основе бинарных этноойконимов лежит гидроним:

а) удмуртско-русские отношения (*удмурт* 'удмурт, удмуртский' – *ньуч* 'русский'): *удмурт/лоза* (Удмурт Лоза, д., Игр.) – *ньуч/лоза* (Русская Лоза, д., Игр.) (*лоза* – гидроним); *удмурт/тибан'/иур* (Удмуртский Пибаньшур, д., Бал.) – *ньуч/тибан'/иур* (Русский Пибаньшур, д., Бал.) (*тибан'/иур* – гидроним);

б) удмуртско-татарские отношения (*удмурт* 'удмурт, удмуртский' – *бигэр* 'татарин, татарский'): *удмурт/парз'и* (Удмуртские Парзи, д., Глаз.) – *бигэр/парз'и* (Татарские Парзи, д., Глаз.) (*парз'и* – гидроним); *бигэр/пöчинка* (Татарский, поч., Глаз.) (*пöчинка* < рус. *починок*);

в) другие этнические отношения: *калмык* (Калмыки, д., Игр.) (< рус. *калмык*); *пор/кар* (Поркар, д., Глаз.) (*пор* 'чужой, другой', т. е. 'другого рода, племени', *кар* 'городище'); *хохол'л'эс* (Новая Украинка, поч., Бал.) (< рус. *хохол*).

В разделе II «Ойконимы, образованные от собственных имен» (1007 назв. – 69,54 %) анализируются названия населенных пунктов, образованные в результате: а) трансонимизации; б) трансойконимизации; в) транстопонимизации.

1. Отантропонимные ойконимы (584 назв. – 40,33 %). Господство отантропонимного способа наименования – отличительная особенность ойконимии на фоне других классов топонимов. Населенный пункт – искусственно созданный объект, где человек – субъект владения или основатель, поэтому первоочередной мотив номинации – указание на принадлежность поселения определенному лицу. Ведущую роль играет и расселение малодворными / однодворными деревнями, в названиях которых закреплялось имя основателя или владельца двора. Ойконимы данного типа подразделяются на следующие группы.

1.1. Ойконимы, образованные от личных имен (354 назв. – 24,45 %), включают в себя имена:

а) удмуртского происхождения (4,35 %): *кайсь/гурт* (Бармашур, д., Яр.) (*гурт* 'деревня'); *чэчэг* (Чечеги, д., Игр.); *шуд'эг/гурт* (Шудегово, д., Глаз) (*гурт* 'деревня'). При выделении этой группы требуется особая осторожность, ибо многие удмуртские личные имена образованы от зоонимов, и возможность возникновения ойконимов от названий птиц и животных должна учитываться;

б) тюркского происхождения (8,08 %): *аз'ман* (Азьманово, д., Яр.); *бачкэй ~ бачкэй/гурт* (Бачкеево, д., Игр.) (*гурт* 'деревня'); *бисар/гурт* (Малый Пезвай, д., Игр.) (*гурт* 'деревня');

в) русского происхождения (12,02 %): *ил'л'а/гурт* (Ильягурт, д., Кез.) (*гурт* 'деревня'); *т'имуш/нос'ин'ка* (Тимошино, д., Бал.) (*нос'ин'ка* < рус. *починок*); *ал'экса·ндрово* (Александрово, д., Деб.).

1.2. Ойконимы, в основе которых лежат патронимы (163 назв. – 11,26 %). Образование патронимических названий связано с процессом распада воршудной организации удмуртов. Данная модель номинации населенных пунктов не является продуктивной в южных регионах Удмуртии, где наблюдается распространение отворшудных ойконимов. Концентрация удмуртских названий с патронимическим элементом *ни* 'сын, дитя, потомок' совпадает с ареалом распространения ойконимов с русскими патронимическими суффиксами *-онки/-ёнки* и *-ата/-ята* (Бал., Кез., частично Глаз. и Яр. р-ны): *гордошпи* (Гордошпи, д., Кез.) (< Гордош); *афон'а·та* (Афонята, д., Глаз.) (< Афанасий); в некоторых случаях наблюдается их параллельное употребление: *закарпи* – офиц. д. *Захаренки* (Бал.) (< Захар); *йунъспи* – офиц. д. *Юнысенки* (Яр.) (< Юнус). Возможно, русская ойконимическая система (на территорию севера Удмуртии названия на *-онки/-ёнки* и *-ата/-ята* в большинстве случаев были принесены переселившимися с территории современной Кировской области и Пермского края русскими крестьянами-старообрядцами) явилась предпосылкой для закрепления удмуртских названий на *ни* в ойконимии севера Удмуртии.

1.3. Ойконимы, образованные от прозвищ (18 назв. – 1,24 %): *горт·пэтыр* (Акчашур, д., Кез.) (*горт* 'рыжий', *пэтыр* < Петр); *көйпи* (Наговицыно, д., Бал.) (*көй* 'жирный, толстый', *ни* 'мальчик'); *с'өтпи* (Седпи, д., Глаз.) (*с'өт* 'черный' (т. е. черноволосый)).

1.4. Ойконимы, в основе которых лежат имена фольклорных персонажей (9 назв. – 0,62 %). Память о богатырях Дондинского края хранят археологические данные и народные легенды: *вэс'йа/кар* (Весьякар, д., Глаз.) (< Весья, *кар* 'городище'); *донды/кар* (Дондыкар, д., Глаз.) (< Донды); *ид·на/кар* (Солдырь, д., Глаз.) (< Идна);

1.5. Ойконимы, образованные от фамилий (40 назв. – 2,76 %): *во·лково* (Волково, д., Кез.) (< ср. *выс. Волкова Сидора*), *миро·ново* (Мироново, д., Кез.) (< ср. *хут. Миронова Александра*); *шмы·рино* (Шмырино, д., Кез.) (< ср. *поч. Шмырина Власа*).

2. Отворшудные ойконимы (35 назв. – 2,42 %): *бигра/гурт* (Дизьмино, д., Яр.) (< Бигра, *гурт* 'деревня'); *бөн'а ~ бэн'а* (Большой Варыж, д., Бал.) (< Бөня); *ворчча* (Чемошур, д., Игр.) (< Вортча). Нераспространенность данной модели в ойконимии севера Удмуртии М. Г. Атаманов видит в смешении в одном населенном пункте нескольких воршудных групп, исключение составляет Игринский район, территория которого как бы была разделена между тремя крупнейшими родовыми группами удмуртов – Эгра, Вортча, Пурга.

3. Вторичные ойконимы (388 назв. – 26,79 %) образовались в результате метонимического переноса названия одного объекта на другой. Данная универсалия характерна для многих топонимических систем. Переход может осуществляться как внутри одного класса, так и в пределах разных топонимических систем.

3.1. Отойконимические ойконимы (40 назв. – 2,76 %) образовались в результате переноса одного названия населенного на другой. Переход осуществляется по 2 моделям:

а) ойконим I → ойконим II: *йаросла`вл'* (Ярославль, д., Деб.) (< д. *Ярославская* Слободского уезда); *котомка* (Трифоново, д., Деб.) (< д. *Котомкина* Глазовского уезда); *пушкар* (Пушкари, д., Деб.) (< поч. Иносветский (*Пушкари*) Глазовского уезда);

б) ойконим I + ойконимический апеллятив → ойконим II: *бигра/гурт//починка* (Дизьмино, поч., Яр.) (*бигра/гурт* – ойконим, д. Дизьмино, Яр.); *ньил'л'о/починка* (Нимошур, д., Деб.) (*ньил'л'о* – ойконим, д. Дзилья, Деб.); *така/гурт//починка* (Старый Кыч, д., Деб.) (*така/гурт* – ойконим, д. Такагурт, Деб.).

3.2. Оттопонимические ойконимы (348 назв. – 24,03 %) возникли в процессе переноса наименований природных реалий на названия искусственных, созданных человеком объектов, к которым относятся населенные пункты. Первыми названия получают природные реалии, и уже позднее к известным ориентирам привязываются названия поселений. Переход является закономерным явлением как для славянской, так и финно-угорской ойконимии.

На основе анализа названий топообъектов, перешедших в разряд ойконимов, определяются доминирующие признаки, которыми руководствовался имядатель при назывании, поэтому в работе мы детально анализируем оттопонимические ойконимы.

1. Вторичные топонимы, образованные от нарицательной лексики (260 назв. – 17,96 %), среди которых 197 (13,6 %) отражают физико-географические особенности местности, флору и фауну региона: *мувыр/йаг* (Мувыръяг, д., Бал.) (*мувыр* 'возвышенность', *йаг* 'сосновый бор'). Здесь лидерство принадлежит вторичным ойконимам, отражающим водные объекты (94 назв. – 6,49 %). Река получала название раньше, чем основанные по ее берегам поселения. Зачастую гидронимы были оставлены другим населением. Об этом свидетельствуют гидроформанты, значение которых раскрывается на материале иных языков: *сам* ~ *сада* (Сада, с., Яр.) (*сам* ~ *сада* – гидроним), ср. нен. *сада* 'лужа'; *тум* (Тум, д., Яр.) (*тум* – гидроним), ср. манс. *тумп* 'остров', 'плоская гора'¹. В работе мы приводим различные точки зрения уче-

¹ М. Г. Атаманов. История Удмуртии в географических названиях. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – С. 45, 49.

ных о происхождении формантов и ареала их распространения. Об архаичности гидронимов говорят и апеллятивы, которые находят объяснение в близкородственных языках (например, прапермский топонимический пласт): *л'ук* (Люк, с., Бал.) (*л'ук* – гидроним).

Отдельную группу составляют вторичные топонимы, содержащие характеристику объектов (68 назв. – 4,7 %). Выделение объекта из серии однотипных происходит по размеру, величине, ширине, протяженности топообъектов, особенностям почвы, цветовому признаку: *куз'йаг* (Еловский, поч., Яр.) (*куз'* 'длинный', *йаг* 'сосновый бор'), *пас'кыт/кож* (Малый Шишур, д., Деб.) (*пас'кыт* 'широкий', *кож* 'омут, заводь'); *чэбэр/шур* (Парзи, д., Глаз.) (*чэбэр* 'красивый', *шур* 'река').

Вторичные топонимы отражают животный и растительный мир края: *гондыр/куш* (Гондыркуш, д., Игр.) (*гондыр* 'медведь', *куш* 'лесная поляна'); *дукйа/выр* (Дукьявыр, д., Деб.) (*дукйа* 'глухарь', *выр* 'холм, возвышенность'); *палэз'вай* (Падезвай, д., Кез.) (*палэз'* 'рябина', *вай* 'ответвление').

Вторую подгруппу составляют секундарные ойконимы, образованные от топонимов, отражающих хозяйственную деятельность человека, его быт, общественные отношения (63 назв. – 4,35 %). Набор их достаточно многообразен: а) вторичные ойконимы, образованные от микротопонимов, которые отражают занятия жителей (34 назв. – 2,35 %) *чорыго/шур* (Черыгошур, д., Деб.) (*чорыг* 'рыба', *-о* – суффикс обладания, *шур* 'река'); б) различные постройки и сооружения хозяйственного назначения (14 назв. – 0,96 %): *вуко/шур* (Вукошур, поч., Бал.) (*вуко* 'мельница', *шур* 'река'); в) религиозные верования: *кўа/луд* (Квалуд, д., Игр.) (*кўа* 'святилище', *луд* 'поле'); г) национальные отношения: *бигэр/вуко* (Паслоково, д., Глаз.) (*бигэр* 'татарский', *вуко* 'мельница').

2. Вторичные топонимы, образованные от собственных имен (88 назв. – 6,08 %):

а) отантропонимные названия (48 назв. – 3,31 %): *бэчэ/луд* ~ *бэчэй/луд* (Лудяны, д., Деб.) (< Бечей, *луд* 'поле'); *кот'э/шур* (Котешур, д., Деб.) (< Котег, *шур* 'река'); *кўарда/воз'* (Квардавозь, д., Игр.) (< Куарда, *воз'* 'луг, покос');

б) отворшудные названия (16 назв. – 1,1 %): *ворчча/мувыр* (Вортчамувыр, д., Кез.) (< Вортча, *мувыр* 'холм, возвышенность'); *ньачча/шур* (Зятчашур, д., Бал.) (< Ньатча, *шур* 'река'); *пурга/бусы* (Пургабусо, д., Кез.) (< Пурга, *бусы* 'поле');

в) вторичные названия, образованные от топонимов (24 назв. – 1,67 %). Данную группу составляют топонимы, происхождение которых уже является вторичным, т. е. сам топоним к моменту возникновения нового названия населенного пункта, уже существовал в качестве имени собственного. Образование таких названий происходит по следующим моделям:

Модель 1: (ойконим I →) микротопоним + топонимический апеллятив → ойконим II: *дэбэс/вёл'* (Марково, д., Деб.) (*дэбэс* – ойконим, с. Дебесы, Деб., *вёл'* – вырубка, делянка).

Модель 2: гидроним + воршудно-родовая группа удмуртов → ойконим: *н'аз'/ворчча* (Нязь-Ворцы, д., Игр.) (*н'аз'* – гидроним, Ворчча – воршудно-родовая группа).

Модель 3: гидроним + ойконим I → ойконим II: *палым/пурга* (Палым, д., Игр.) (*палым* – гидроним, *пурга* – ойконим, с. Большая Пурга, Игр.);

Модель 4: ойконим I + гидроним → ойконим II: *уйвай/мэдло* (Уйвай-Медла, д., Деб.) (*уйвай* – ойконим, д. Уйвай, Деб., *мэдло* – гидроним).

Модель 5: гидроним + топонимический апеллятив → ойконим: *л'ук/выр* (Верх-Люк, д., Бал.) (*л'ук* – гидроним, *выр* – холм, возвышенность).

В разделе III «Локативные ойконимы» (107 назв. – 7,38 %) анализируются названия, указывающие на расположение населенных пунктов на местности. Согласно традиционной лексико-семантической классификации наименования распределяются по группам в соответствии со значением атрибутивной части (Жучкевич, Яценко и др.). Данный принцип, характерный для русской топонимической системы, в которой локативные наименования образуются за счет существительных с предлогами (т. е. локативный элемент располагается в составе атрибута), не применим к удмуртскому языку, для которого характерно употребление послелогов. В ойконимии севера Удмуртии апеллятив, указывающий на местоположение населенного пункта, может находиться как в пре-, так и в постпозиции, поэтому в нашей работе локативные ойконимы мы выделили в отдельную группу.

1. Ойконимы, указывающие на расположение населенных пунктов относительно рек (91 назв. – 6,29 %), подразделяются на следующие группы:

а) ойконимы, указывающие на местонахождение населенного пункта в вертикальной плоскости, характеризующееся расположением относительно течения реки (40 назв. – 2,76 %). Образуются при помощи корреляции по принципу «верхний – нижний», который передается определениями *ульс' ~ ульс'*, *ули* – нижний, *н'иж* ~ *н'иш* < рус. *нижний* и *выльс' ~ вьльс'*, *выли* – верхний, *вэ рхн'эй* ~ *вэ рхн'айа*, *вэрх* < рус. *верхний*, *верхняя*; стержнем горизонтального пространственного измерения в большинстве случаев является гидроним: *вьльс'/ьбът'* (Верхняя Убыть, д., Глаз.) – *ульс'/ьбът'* (Нижняя Убыть, д., Глаз.) (*ьбът'* – гидроним); *н'иш/слутка* (Нижняя Слудка, д., Глаз.) – *вэ рхн'эй/слутка* (Верхняя Слудка, д., Глаз.) (*слутка* – гидроним). Наличие маркированного члена оппозиции не всегда обязательно. Часть таких названий указывает на расположение населенных пунктов относительно друг друга по течению реки: *ули//шушьня/луд*, *н'иш//шушьня/луд* (Нижний Шудзялуд, д., Деб.) – *выли//шушьня/луд* (Верхний Шудзялуд, д., Деб.) (*шушьня/луд* –

назв. поля). Данная модель находит отражение во многих ойконимических системах;

б) ойконимы, указывающие на расположение населенного пункта на берегу реки, на той или иной стороне водного объекта (29 назв. – 2,1 %): *зар/мэдло* (Заречная Медла, д., Деб.) (*зар* < рус. *заречный*, *мэдло* – гидроним); *мэдло/дур* (Усть-Медла, д., Деб.) (*мэдло* – гидроним); *пыз'эн/тупал* (Пызептупал, хут., Кез.) (*пыз'эн* – гидроним, *тупал* 'заречье, заречная сторона');

в) ойконимы, указывающие на расположение населенного пункта в устье или в верховье, истоке реки (22 назв. – 1,52 %): *дырна/вож* (Дырпавож, д., Кез.) (*дырна* – гидроним, *вож* 'устье реки'); *л'укмь/вож* (Усть-Лекма, д., Яр.) (*л'укмь* – гидроним); *ус'/мэдло* (Усть-Медла, д., Деб.) (*ус'* < рус. *устье*, *мэдло* – гидроним);

2. Ойконимы, указывающие на расположение населенных пунктов относительно других топообъектов (16 назв. – 1,1 %): *вуко/бэр* (Вукобер, д., Игр.) (*вуко* 'мельница', *бэр* 'место за чем-либо'); *йаг/ул* (Ягул, д., Глаз.) (*йаг* 'сосновый бор', *ул* 'низ, нижняя часть'); *к'уа/с'эр* (Квасер, д., Кез.) (*к'уа* 'святылище', *с'эр* 'зад, место за чем-либо').

Раздел IV «Ойконимы-посвящения» (20 назв. – 1,38 %) посвящен анализу т. н. ойконимов-советизмов и названий населенных пунктов, отражающих события Великой Отечественной войны: *выл'/с'урэс* (Новый путь, с., Яр.) (*выл'* 'новый', *с'урэс* 'дорога, путь'); *горт/киз'ул'и* (Горд Кизили, д., Игр.) (*горт* 'красный', *киз'у'ли* 'звезда'); *побэ`да* (Победа, п., Бал.).

В разделе V рассматриваются ойконимы, этимология которых недостаточно расшифрована (86 назв. – 5,95 %): *варн'и* (Варни, д., Деб.); *чул'чэпи* (Чульчепи, д., Глаз.); *чэкам* (Андрейшур, д., Бал.).

В главе III «Структурная классификация ойконимов севера Удмуртии» рассматриваются структурные типы наименований поселений. Особую сложность представляют вторичные ойконимы. В их составе можно выделить два или более компонента, значение которых в удмуртском языке еще не утрачено. Тем не менее, необходимо учитывать тот факт, что в ойконимическую систему они вошли в готовом виде, в качестве единой неразложимой единицы.

При классификации таких наименований мы опираемся на работу финских топонимистов E. Kiviniemi, R. Pitkänen, K. Zilliacus², в которой основной акцент делается на синтаксическое взаимоотношение между частями топонима. Согласно их классификации, название, возникшие в результате метонимического переноса по смежности, с точки зрения синтаксической модели является простым наименованием, которое состоит

² E. Kiviniemi, R. L. Pitkänen, K. Zilliacus Nimistöntutkimuksen terminologia / Castrenianumin toimitteita 8. – Helsinki, 1974. – 112 s

из одного синтаксического элемента. В нашей работе такие вторичные ойконимы отнесены к группе простых названий.

В результате такого подхода к классификации материала, в ойконимии севера Удмуртии доминирующее положение занимают простые названия, доля которых увеличивается за счет вторичных наименований. Это является отличительной особенностью ойконимии севера Удмуртии на фоне удмуртской микропонимии, где большая часть названий является сложной по своей структуре.

В Разделе I рассматриваются простые ойконимы. Их количество составляет 977 названий (67,47 %).

1. Простые непроездовые ойконимы (732 назв. – 50,55 %) образуются путем трансонимизации как апеллиатива, так и имени собственного без специальных топонимических формантов.

1.1. Ойконим < апеллиатив (66 назв. – 4,56 %):

а) отапеллиативные ойконимы, значение которых соответствует денотату: *гучин* (У Речки Варыж, д., Бал.) ('селище' (место, где раньше было селение)); *кутор* (Верхняя Юнда, д., Бал.) (< рус. *хутор*);

б) отапеллиативные ойконимы, значение которых не соответствует денотату: *бис'мэн* (Бисьмен, д., Игр.) ('граница, межа, отделяющая земельные угодья двух населенных пунктов'); *мувыр* (Мувыр, д., Игр.) ('возвышенное место');

в) сложные слова на апеллиативном уровне (значение апеллиативов соответствуют и не соответствуют денотату): *шурвож* (Шурвож, д., Кез.) ('устье реки': *шур* 'река', *вож* 'устье'); *вужгурт* (Игра, с., Игр.) ('родовая деревня': *вуж* 'старый', *гурт* 'деревня').

1.2. Ойконим < оним (604 назв. – 41,71 %):

а) трансонимизация (переход антропонима, патронима, названия воршудно-родовой группы удмуртов в ойконим): *балуй* (Балуй, д., Кез.); *наволпи* (Таганшур, д., Кез.); *чудна* (Чиргино, д., Глаз.);

б) трансойконимизация: *котомка* (Трифоново, д., Деб.); *пушкар* (Пушкари, д., Деб.);

в) транстопонимизация (переход микропонима в разряд ойконима): *изо/шур* (Изошур, д., Глаз.); *кös/н'ук* (Малое Сазаново, д., Бал.); *ужан/луд* (Макшур, д., Глаз.).

1.3. Метафорические ойконимы (6 назв. – 0,41 %): *кийон/быж* ~ *кь-йон/бъж* (Васильево, д., Глаз.); *штан'и/гурт* (Штанигурт, д., Глаз.).

1.4. Названия-посвящения (17 назв. – 1,17 %): *горт/киз'ил'и* (Горд Кизили, д., Игр.); *рассвэт* (Рассвет, д., Бал.).

1.5. Деэтимологизированные ойконимы (39 назв. – 2,7 %): *бозгон* ~ *бзгон* (Бозгон, д., Бал.); *варн'и* (Варни, д., Деб.).

2. Простые производные ойконимы (245 назв. – 16,92 %) представляют собой русские названия, образованные при помощи суффиксов, и адаптированные удмуртским языком: *агэйво* (Агеево, д., Деб.); *кошаи ха* (Кошаиха, д., Кез.); *ст'эпан'о`нка* (Степаненки, д., Кез.).

В Разделе II «Сложные ойконимы» (440 назв. – 30,39 %) рассматриваются конструкции, состоящие из двух или более элементов.

1. Двухкомпонентные ойконимы (435 назв. – 30,04 %) образуются по модели «определяющее + определяемое». Данный тип характерен для финно-угорских, тюркских, славянских языков. Определяемое по отношению к определению в удмуртской топонимии находится в постпозиции. Компоненты в группе сложных ойконимов связаны наиболее характерной для удмуртского языка связью – примыканием.

В роли детерминанта в большинстве случаев выступают отойконимические апеллятивы, атрибут преимущественно выражен именем существительным или именем прилагательным.

В другой разновидности двухкомпонентных ойконимов в роли детерминанта выступает имя собственное (главным образом гидроним). Традиционно данный тип названий принято считать составными, однако в основе их структурного членения лежит та же идея, что и в классических сложных двусоставных топонимах: те же две знаменательные части, одна из которых определяет другую. Функцию детерминанта здесь берет на себя название, возникшее в результате метонимического переноса, к которому присоединяются дифференцирующие атрибуты.

1.1. Модель сущ. + сущ. (330 назв. – 22,79 %).

1.1.1. Имя нарицательное + сущ. (83 назв. – 5,73 %):

а) имя нарицательное + имя нарицательное: *бигэр/пöчинка* (Татарский, поч., Глаз.) (*бигэр* 'татарин', *пöчинка* < рус. *починок*); *кыз'пу/гурт* (Березовка, д., Бал.) (*кыз'пу* 'береза', *гурт* 'деревня');

б) имя нарицательное + имя собственное: *удмурт/бэн'а* ~ *удмурт/бöн'а* (Удмурт Быня, д., Бал.) (*удмурт* 'удмурт', Бöня – воршудно-родовая группа); *тупал/пурга* (Тупал-Пурга, д., Игр.) (*тупал* 'заречье, заречная сторона', *пурга* – ойконим).

1.1.2. Имя собственное + сущ. (247 назв. – 17,06 %).

а) имя собственное + имя нарицательное (241 назв. – 16,64 %): *ковал'/гурт* (Ковалево, д., Кез.) (< Коваль – антропоним, *гурт* 'деревня') *идна/кар* (Солдырь, д., Глаз.) (*Идна* – имя богатыря, *кар* 'город, городище'); *л'овка/пöчинка* (Холодный Ключ, д., Кез.) (< Лев – антропоним, *пöчинка* < рус. *починок*); *кыча/гурт//пöчинка* (Кычинский, поч., Яр.) (*кыча/гурт* – ойконим). Атрибут в большинстве случаев выражен антропонимом (174 назв. – 12,02 %). Модель образования названий населенных пунктов «ан-

тропоним + ойконимический апеллятив» является общей для финно-угорской ойконимической системы;

б) имя собственное + имя собственное (6 назв. – 0,42 %): *йу/чабйа* (Ю-Чабья, д., Кез.) (*йу* – гидроним, *Чабья* – воршудно-родовая группа); *пурга/сэпож* (Сепож, д., Игр.) (*пурга* – ойконим, *сэпож* – гидроним).

1.2. Модель прил. + сущ. (102 назв. – 7,04 %).

1.2.1. Простое прил. + сущ. (100 назв. – 6,9 %):

а) простое прил. + имя собственное (93 назв. – 6,42 %): *выл'/ньачча* (Новые Зятцы, с., Игр.) (*выл'* 'новый', *Затча* – воршудно-родовая группа); *выли/чумой* (Верхний Чумой, д., Игр.) (*выли* 'верхний', *чумой* – гидроним); *зёк/кэз* (Большой Кез, д., Кез) (*зёк* 'большой', *кэз* – гидроним);

б) простое прил. + имя нарицательное (7 назв. – 0,48 %): *бадзьм/гурт* ~ *батсьн/гурт* (Бачумово, д., Яр.) (*бадзьм* ~ *батсьн* 'большой', *гурт* 'деревня'); *кот/гурт* (Котнырево, д., Глаз.) (*кот* 'сырой, мокрый, влажный'); *улыс'/починка* (Нижний Тыловой, д., Деб.) (*улыс'* 'нижний', *починка* < рус. *починок*).

1.2.2. Производное прил. + сущ. (2 назв. – 0,14 %): *тэл'о/гурт* (Телегурт, д., Игр.) (*тэл'о* 'лесной', *гурт* 'деревня'); *вёйо/гурт* (Воегурт, д., Бал.) (*вёйо* 'масляной').

1.3. Модель числ. + сущ. (1 назв. – 0,7 %): *кўат'/гурт* (Каршур, д., Бал.) (*кўат'* 'шесть', *гурт* 'деревня').

1.4. Модель прич. + сущ. (1 назв. – 0,7 %): *гыбдам/шорн'и* (Сосновские Шорни, д., Игр.) (*гыбдам* 'тлеющий' < от глаг. *гыбданы* 'тлеть', *шорн'и* – гидроним).

1.5. Модель сущ. + нар. (1 назв. – 0,7 %).

1.5.1. Имя собственное + нар. (1 назв. – 0,7 %): *кожо/улан'* (Русский Кожой, д., Игр.) (*кожо* < *кожой* – гидроним, *улан'* 'вниз, книзу').

2. Многокомпонентные ойконимы (5 назв. – 0,35 %) являются непродуктивными, что связано, возможно, с языковой экономией.

2.1. Прил. + сущ. + сущ. (5 назв. – 0,35 %): *вуж//бото/гурт* (Жаба 1, поч., Глаз.) (*вуж* 'старый', *Бото* – антропоним, *гурт* 'деревня'); *зёк//чури/гурт* (Верхняя Чура, д., Яр.) (*зёк* 'большой', *чури* < Чура – воршудно-родовая группа);

III. Эллиптированные ойконимы (31 назв. – 2,14 %) возникают в связи с тенденцией упрощения названий. Решающим фактором является способность оставшегося элемента выполнять функцию индивидуализации.

В тех случаях когда детерминант ойконима является малоупотребительным или же именуется единственным на определенной территории объект, возможен эллипсис атрибута: *пöчинка* < *вор/пöчинка* ~ *гор/пöчинка* ~ *вър/пöчинка* (Верхняя Богатырка, д., Глаз.); *кар* < *глас/кар* (Глазов, г.).

Усечение детерминанта наблюдается в двухкомпонентных ойконимах с распространённым апеллятивом-детерминантом *гурт* 'деревня': *мэмэт* ~ *мэмэт* < *мэмэт/гурт* (Меметово, д., Яр.); *пэдун* ~ *пэдон* < *пэдун/гурт* ~ *пэдон/гурт* (Педоново, д., Глаз.).

В **Заключении** излагаются основные положения и выводы исследования.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих публикациях автора:

Публикация в научном издании, рекомендованном ВАК РФ:

1. Сундукова, Е. А. Локативные ойконимы севера Удмуртии / Е. А. Сундукова // Вестник Челябин. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. – Челябинск, 2010. – Выпуск 45. – С. 120–123.

Публикации в других научных изданиях:

2. Сундукова, Е. А. Апеллятивная лексика в неофициальной ойконимии Базезинского и Дебесского районов Удмуртской Республики / Е. А. Сундукова // Национальные языки России: региональный аспект. К 50-летию коми-пермяцко-русского отделения филологического факультета Пермского государственного педагогического университета: Мат-лы междунар. научно-практической конф. (20–21 октября 2005 г., Пермь) / отв. ред. А. С. Лобанова; Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2005. – С. 146–149.

3. Сундукова, Е. А. «Образование вторичных ойконимов Дебесского района Удмуртской Республики» / Е. А. Сундукова // VII научно-практическая конф. преподавателей и сотрудников УдГУ, посвящ. 245-летию г. Ижевска: Мат-лы конф. Ч. 2. – Ижевск, 2005. – С. 24–26.

4. Сундукова, Е. А. Образование русско-удмуртских ойконимов Дебесского района Удмуртской Республики / Е. А. Сундукова // «Коми-пермяки и финно-угорский мир: Мат-лы Межрегион. научно-практической конф.». – Кудымкар: Алекс-Принт, 2005. – С. 235–237.

5. Сундукова, Е. А. О семантическом переосмыслении ойконимов Дебесского района Удмуртской Республики / Е. А. Сундукова // XXI IFUSCO International Finno-Ugric Students Conferens = XXI Междунар. финно-угорская студенческая конф. / Удмурт. гос. ун-т; отв. ред. М. А. Самарова – Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2005. – С. 181–183.

6. Сундукова, Е. А. Ойкографические апеллятивы в названиях населенных пунктов севера Удмуртии / Е. А. Сундукова // Пермистика XI: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Мат-лы XI Междунар. симп. (30–31 марта 2006 г., Пермь) / отв. ред. Л. Г. Пономарева; Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2006. – С. 87–92.

7. Сундукова, Е. А. Русификация народных названий населенных пунктов с апеллятивом *-гурт* (на примере ойконимов севера Удмуртии) / Е. А. Сундукова // Междунар. научная конф. «75 лет высшему образованию в Удмуртии»: Мат-лы конф.: Ч. 1. Гуманитарные науки. – Ижевск, 2006. – С. 267–269.